

Ирина Святославовна Андрианова*заведующая Web-лабораторией Института филологии
Петрозаводского государственного университета
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

yarysheva@yandex.ru

«ИСКУССТВО ВЫСОКОЕ»: Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И СТЕНОГРАФИЯ*

Аннотация: Значение стенографии — искусства писать со скоростью речи — в истории развития мировой науки и культуры, политики и экономики общепризнано. В данной статье систематизированы факты о писателях XIX — первой половины XX в., владевших стенографией или использовавших услуги профессиональных стенографистов в своей творческой деятельности. С учетом этого обзора сделан вывод о роли и значении стенографии в творческом процессе Ф. М. Достоевского. Он стал вторым (после В. В. Крестовского) писателем в России, применившим стенографию в своей литературной деятельности, но единственным автором в мировой литературе, для которого стенография стала чем-то большим, чем скорописью. Он считал ее таинственным и «высоким искусством». Она изменила и обогатила модель его творческого процесса не на время, а до конца жизни, повлияла на поэтику романов и рассказа «Кроткая», способствовала перемене в личной жизни писателя и вызвала интерес у родственников (пасынка П. А. Исаева, племянницы Е. М. Достоевской). За годы супружества со стенографисткой А. Г. Сниткиной художественный талант писателя достиг своего апогея, была создана большая и наиболее значительная часть его литературного наследия. К сожалению, в архиве Достоевских сохранилась только небольшая часть рукописей со стенографическими записями. Она описана в Приложении к статье.

Ключевые слова: стенография, искусство, Достоевский, А. Г. Достоевская, В. В. Крестовский, П. М. Ольхин, творческий процесс

Слово «*стенография*» имеет греческое происхождение (от στενός — узкий, тесный и γράφω — пишу). В XIX — начале XX в. стенография (скоропись) являлась «*искусством, помощью которого можно писать четко так же скоро, как говорят*» (курсив мой. — И. С.)¹. В настоящее время произошло сужение лексического значения слова: современные словари толкуют его как «способ скоростной записи особыми знаками, дающий возможность быстро и точно записывать устную речь»².

Стенографию сегодня часто путают со *стеганографией*³ (от греч. στεγανός — скрытый и γράφω — пишу) — способом скрытой передачи информации путем сохранения в тайне самого факта передачи. Однако если последняя в настоящее время активно применяется и исследуется (лингвистическая, цифровая, сетевая стеганография и др.), то стенография в век технического прогресса забыта и востребована лишь узким кругом лиц. В результате 29 сентября 2014 г. участники международной группы стенографов Интерстено выступили с инициативой признать ручную стенографию нематериальным объектом мирового наследия ЮНЕСКО, нуждающимся в охране, и объявили о необходимости создания web-архива книг о стенографии⁴.

Значительная роль стенографии в истории развития мировой науки и культуры, политики и экономики общепризнана. За 2000 с лишним лет своего существования (считая от появления в 63 году до н. э. в Древнем Риме «тироновых нот», придуманных личным секретарем оратора Цицерона Тироном) стенография как средство закрепления произнесенного слова, экономящее время и позволяющее вести запись синхронно с мыслью, всегда оказывала бесценную помощь людям в различных видах деятельности. Так, владели стенографией сами или использовали в своей работе профессиональных стенографов немецкий зоолог А. Брем (1829–1884), химик Д. И. Менделеев (1834–1907), отец русской авиации Н. Е. Жуковский (1847–1921), геолог, палеонтолог В. О. Ковалевский (1842–1883)⁵, физиолог И. П. Павлов (1849–1936), агрохимик Д. Н. Прянишников (1865–1948), театральные режиссеры Н. М. Горчаков (1898–1958) и др.

Писатели также сталкиваются с «невыполнимой задачей “записать все, что думаешь”» [Баршт: 125]. Один из путей достижения этого сформулирован К. А. Барштом: «...записывать как можно быстрее, скорописью, используя сокращения, условные значки, стараясь “успеть” за мыслью» [Баршт: 125].

Факт влияния стенографии на литературное творчество ряда писателей отмечался в главах монографий А. М. Юрковского [Юрковский] и С. А. Рейсера [Рейсер: 47–57]. Эти исследования были опубликованы почти полвека назад, когда стенография вызывала большой общественный интерес, а профессиональные стенографы были востребованы в научной и государственной деятельности. В настоящее время наблюдения Юрковского и Рейсера можно дополнить новыми сведениями о взаимодействии стенографии и литературы в XIX — первой половине XX в., а также установить роль и значение забытого искусства стенографии в творческом процессе Ф. М. Достоевского.

Из зарубежных авторов стенографией профессионально владел выдающийся английский романист **Ч. Диккенс** (1812–1870), в юности являвшийся парламентским репортером. Надо думать, что стенография помогла ему и на литературном поприще. Свидетельств того, что она была вовлечена в творческий процесс Диккенса, нам неизвестно. Однако европейские исследователи предполагают, что владение стенографическими приемами оказало влияние на диккенсовский стиль, отличающийся «разговорностью» (“orality”), тяготением к использованию фонографических средств выразительности (“phonographic turn”), и приводят в пример «словесный взрыв» (“verbal explosion”) мистера Пиквика («Посмертные записки Пиквикского клуба»)⁶.

При создании некоторых своих произведений услугами стенографов пользовались русские писатели XIX в. — прозаики разной степени дарования и известности: **В. В. Крестовский** (окончание «Петербургских трущоб», 1864–1866), **Ф. М. Достоевский** (начиная с романа «Игрок», 1866), **Д. К. Гирс** («Старая и Новая Россия», 1868), **Г. А. Де-Воллан**. Отметим интересные факты и удивительные совпадения: названные писатели были знакомы между собой и работали со стенографами примерно в одни и те же годы —

в конце 1860-х. Стенограф первого (*Анна Григорьевна Сниткина*, 1846–1918) и стенограф трех остальных (*Иван Карлович Маркузе*, 1846–после 1915) были ровесниками, оба учились в Санкт-Петербургском немецком училище Св. Анны (но И. К. Маркузе курса в нем не закончил), а стенографии — на курсах П. М. Ольхина по системе Габельсбергера.

Русский критик и публицист **Н. Г. Чернышевский**, прочитав в 1846 г. одну из книг французского стенографа А. Гросселена, разработал собственную оригинальную систему полустенографической записи сокращений и условных обозначений многих грамматических форм и оборотов, с помощью которой вел личный дневник в 1852–1853 гг.⁷ В 1883–1889 гг., находясь в Астрахани и Саратове, он пользовался услугами профессионального стенографа. Как отметила И. Паперно, «в результате он мог работать еще быстрее; так, за четыре дня до смерти, уже тяжело больной, Чернышевский надиктовал восемнадцать страниц перевода “Всеобщей истории” Георга Вебера. Последние слова, сказанные им в предсмертном бреду, были также застенографированы его секретарем» [Паперно: 45]. По словам исследовательницы, «Чернышевский был весьма заинтригован возможностями стенографии и часто упоминал ее в своих сочинениях» [Паперно: 45]; он оказывал стенографии как «синхронной фиксации вербализуемых мыслей» [Паперно: 46] предпочтение перед другими способами сочинительства: «в словесном потоке моментально фиксируемых ощущений непосредственный опыт обретал реальность, протяженность и постоянство» [Паперно: 46].

В 1907–1909 гг. к услугам стенографа-переписчика Н. Н. Гусева обращался **Л. Н. Толстой**⁸: в данном случае стенография использовалась не в литературной работе, а при диктовке ответов на многочисленную корреспонденцию писателя. Для создания своих художественных произведений он этот метод исключил, однажды признавшись стенографу: «...совестно как-то... Когда пишешь художественное, то это наброски, которые только для того, чтобы себе напомнить то чувство, с которым пишу. Другому передавать как-то совестно. Набрасываешь для себя. А когда пишешь статью, то стараешься, чтобы было закончено (некоторые статьи Толстого в последние годы его жизни записаны стенографически Н. Н. Гусевым. — И. А.)»⁹.

Кстати, похожее чувство испытывал **Н. С. Лесков**, который отказывался «диктовать даже письма»¹⁰ и тем более не представлял, как в его творческом процессе, даже чисто технически, может участвовать другой человек. Одиночество, перо в руках и лист бумаги перед собой — только при таких условиях мог сочинять автор «Леди Макбет» и «Соборян»:

«— Про себя скажу — я не был бы в состоянии писать в присутствии постороннего лица, — говорил он. — Для меня недостаточно полнейшее одиночество — я могу заниматься исключительно только ночью, потому что в состоянии сосредоточиться тогда лишь, когда кругом меня полнейшая тишина»¹¹.

Стенография применялась в творческой работе *А. И. Куприна*. Из его переписки следует, что в 1907 г. он диктовал стенографу несохранившуюся повесть «Жизнь», а затем, в 1914 г., работал над созданием последних страниц повести «Яма»¹². Причем, если учесть, что вторая часть «Ямы» создавалась писателем очень мучительно и длительно (в течение шести лет), именно вовлечение стенографа в литературный процесс позволило Куприну наконец завершить это произведение. «Я человек не сильной воли, — признавался писатель в апрельском интервью за 1914 г. — Мне трудно иной раз себя принудить к работе. Но стенограф пришел, — волей-неволей надо идти работать. Начинаешь туго, но смотришь — разошелся, и работа идет не без известного удовлетворения»¹³.

В XX веке, когда стенография была на пике своей популярности и востребованности, с помощью нее в молодости зарабатывали на жизнь такие писательницы, как *А. Линдгрэн* (1907–2002), *Л. К. Чуковская* (1907–1996), а в дальнейшем применяли ее в своей творческой работе.

Таким образом, стенография периодически использовалась некоторыми российскими и зарубежными литераторами при создании произведений. Ими на собственном опыте были оценены уникальная мобильность стенографирования (для работы нужны только бумага и карандаш/перо/ручка), синхронность фиксации мыслей и скорость записи, существенно экономящая время. Однако можно справедливо утверждать, что только для единственного писателя мировой литературы стенография стала чем-то большим, чем скорописью: она изменила и обогатила модель его творческого процесса не на время, а до конца жизни, а также способствовала перемене в его личной жизни. Этим писателем стал Ф. М. Достоевский.

До встречи со стенографисткой Достоевский писал свои сочинения, находясь в жесточайшем ежемесячном цейтноте. Это был титанический труд, непрерывная творческая работа. Не случайно он стал одним из первых, кто решился на творческий эксперимент — применение осенью 1866 года стенографирования в своей литературной деятельности. В это время Достоевский находился в безвыходном положении. Из-за угрозы долговой тюрьмы писатель вынужден был на кабальных условиях подписать договор с издателем-спекулянтом Ф. Т. Стелловским о продаже тому прав на публикацию полного собрания своих сочинений. По этому договору Достоевский должен был предоставить Стелловскому для третьего тома собрания новый роман объемом не менее 7 печатных листов. В случае несоблюдения писателем этого условия договора до 1 ноября 1866 г. права на его литературную работу должны были перейти к издателю на 9-летний срок.

Момент недолгого, но напряженного размышления Достоевского о возможности работы со стенографом над новым романом описал в своих воспоминаниях А. П. Милюков, предложивший писателю эту идею:

— Ну, так возьмите стенографа и сами продиктуйте весь роман: я думаю, в месяц успеете кончить.

Достоевский задумался, прошелся опять по комнате и сказал:

— Это другое дело... Я никогда еще не диктовал своих сочинений, но попробовать можно... Да, другого средства нет, не удастся — так пропал... Спасибо вам: необходимо это сделать, хоть и не знаю, сумею ли... <...>

Федор Михайлович был в возбужденном состоянии: он, очевидно, начал надеяться на возможность выйти из своего тяжелого положения, но в то же время не совсем еще был уверен в успехе новой для него работы¹⁴.

Считается, что в России применять стенографию стали в XV–XVI вв. при записи речей на вечевых собраниях в Новгороде и Пскове. Однако практическое значение она получила только в 60-е гг. XIX в. с введением судебной реформы, в результате которой впервые организовывались адвокатура, институт присяжных, гласное судопроизводство и «потребовались кадры стенографов для записи заседаний реформированных и вновь организованных судебных учреждений» [Юрковский: 56]. «В тогдашней прессе, — вспоминал стенограф И. К. Маркузе, — немало толковали и о самой стенографии, как об интересном искусстве... Словом, стенография была некоторою “злобою дня”, модным предметом»¹⁵. С жаром набросились на новинку: правительство, взявшись за насаждение стенографии, открыло бесплатные курсы для подготовки стенографов, в связи с существованием множества стенографических систем обсуждало вопрос о введении единой системы, в печати загорелась полемика между последователями систем Габельсбергера, Штольце и Иванина¹⁶. В XIX в. были убеждены, что «в более или менее отдаленном будущем обыкновенное письмо будет вытеснено стенографическим» [Ершов: 4].

Модная в 1860-е гг. стенография привлекла внимание Достоевского не только в связи с его отчаянным желанием спастись из ловушки Стелловского, но и по причине личной склонности к экспериментаторству, увлеченности оригинальными вещами. Об этом своем качестве он сообщил А. В. Корвин-Круковской 17 июня 1866 г. За 3 месяца до разговора с Милюковым и начала работы со стенографисткой Достоевский, чтобы освободиться от эксплуатации нечистоплотного издателя, планировал воплотить другую «небывалую и эксцентрическую вещь»:

«...написать въ 4 месяца 30 печатных листов, в двух разных романах, из которых один буду писать утром, а другой вечером и кончить к сроку. <...> до сих пор мне вот этикие эксцентрические и чрезвычайные вещи даже¹⁾ нравятся. Не гожусь я в разряд солидно²⁾ живущих людей. Простите: похвастался!»¹⁷.

¹⁾ даже *вписано*.

²⁾ Было: и благонаравно

Проект параллельного писания двух романов не состоялся. Но осуществилась другая, не менее «эксцентрический и чрезвычайный» проект — литературная работа в режиме стенографии, стремящейся поспеть за ходом мысли.

Надо отметить, что Достоевский не первый русский писатель, экспериментально применивший стенографию в своей творческой работе. Был прецедент, несомненно, известный писателю: с мая по ноябрь 1866 г. В. В. Крестовский, хороший знакомый братьев М. М. и Ф. М. Достоевских, входивший в круг авторов журналов «Время» и «Эпоха», диктовал заключительную часть своего романа «Петербургские трущобы» стенографу. Как предположил В. А. Викторovich, посвятивший сложным, менявшимся взаимоотношениям и взаимовлияниям двух писателей обстоятельную статью, прецедент Крестовского мог сыграть свою роль в решении Достоевского согласиться на помощь стенографа [Викторovich: 106].

Крестовский, как и Достоевский, спешил со сдачей своего романа (в «Отечественные Записки»), но, в отличие от последнего, не был поставлен в столь жесткие временные рамки. Как вспоминал стенограф Крестовского И. К. Маркузе, автор «Петербургских трущоб» предполагал, что литературная работа в системе скорописи позволит ему «приступить к диктовке романа, когда вздумается, когда явится к тому охота, и, соорудив в несколько часов четыре, пять глав романа для ближайшего номера журнала, бросить работу и уже вернуться к ней только тогда, когда опять придет вдохновение, без принуждения, по одной прихоти фантазии»¹⁸. Завершение романа Крестовского затянулось не по вине стенографа:

«Проработав несколько часов и заполнив мои стенограммы двумя-тремя главами романа, Всеволод Владимирович прерывал занятия иногда на день, на несколько дней, а случалось и на целую неделю и более. При таких условиях, сочинение романа поглощало в среднем каких-нибудь 6-7 часов в неделю, остальное время автор предавался полнейшему *dolce far niente*»¹⁹.

В сентябре 1866 г. последовала смерть редактора «Отечественных записок» С. С. Дудышкина, и Крестовский продал отдельное издание «Петербургских трущоб» издателю М. О. Вольфу, закончив роман полностью лишь в начале ноября 1866 г.

В отличие от Крестовского, Достоевского не устроил бы стенограф мужского пола — по причине того, что «мужчина уже наверно бы запил»²⁰. История появления стенографистки в квартире Достоевского, ставшей его женой, описана в мемуарах участников этого события²¹, сегодня широко известна и характеризуется исследователями как судьбоносная для личной жизни и творчества писателя. По просьбе А. М. Милюкова его сослуживец Е. Ф. В-р²² обратился к своему знакомому преподавателю курсов стенографии П. М. Ольхину. Для работы у Достоевского Ольхин рекомендовал 20-летнюю Анну Григорьевну Сниткину, прошедшую

полугодовое обучение стенографии (с апреля по октябрь 1866 г.) на курсах при 6-й Санкт-Петербургской гимназии.

Девушка не имела как такового практического опыта стенографирования: «...теоретический курс стенографии был пройден в 25 чтений», затем «следовало чтение стенографических рассказов» и «упражнения в письме стенографическими знаками»²³. Но она была в числе лучших учеников Ольхина: из 300 лиц, присутствовавших в двух первых группах курсов при 6-й гимназии, только 30 человек (24 мужчины и 6 женщин) «оказали довольно значительные успехи»²⁴. Как выяснилось, требуется немало терпения, стараний и времени, чтобы овладеть искусством стенографии и поддерживать достигнутый уровень. Обучающимся же не было известно «о том, в каком числе потребуются при судебной реформе стенографы и <...> на какое они могут рассчитывать вознаграждение»²⁵. В результате «практическое внедрение стенографии для индивидуального пользования получило очень незначительное распространение» [Рейсер, 1982: 57].

В восемь часов вечера 4 октября 1866 г. «в приемах творческой работы Достоевского случилась не малая перемена» [Чулков: 129]: он начал диктовать стенографистке А. Г. Сниткиной, своей будущей жене, роман «Игрок». Писатель и его сотрудница опытным путем разработали модель применения стенографического письма в литературной деятельности. В дальнейшем, при написании Достоевским других произведений, данная модель творчества оставалась практически неизменной.

По ночам Достоевский сочинял, готовил черновые наброски очередных страниц романа, а днем диктовал Анне Григорьевне свои ночные наработки, то и дело импровизируя по ходу диктовки. При этом она «не прерывала Достоевского, если не успевала записать его мысль, а оставляла пробелы, которые после расшифровки и переписки текста восполнялись уже самим автором» [Кийко, Пошеманская: 5]²⁶. У себя дома по вечерам девушка расшифровывала стенограммы, а утром следующего дня Достоевский окончательно правил приготовленные ею листы. Последним этапом творческого процесса являлось создание наборной рукописи: своим аккуратным, почти каллиграфическим почерком литературная помощница переписывала исправленный текст набело. Впоследствии она вспоминала:

«Чем дальше шло время, тем более Федор Михайлович втягивался в работу. Он уже не диктовал мне изустно, тут же сочиняя, а работал ночью и диктовал мне по рукописи. Иногда ему удавалось написать так много, что мне приходилось сидеть далеко за полночь, переписывая продиктованное. Зато с каким торжеством объявляла я назавтра количество прибавившихся листков! Как приятно было мне видеть радостную улыбку Федора Михайловича в ответ на мои уверения, что работа идет успешно и что, нет сомнения, будет окончена к сроку»²⁷.

Работа писателя и стенографистки над романом «Игрок» была завершена к сроку, указанному в договоре. 30 октября 1866 года Достоевский продиктовал Анне Григорьевне заключительные строки, а 1 ноября рукопись была сдана под расписку дежурному офицеру полицейской части для дальнейшей передачи Стелловскому. Так был создан «первый в русской литературе роман-стенограмма, роман, записанный стенографическими знаками» [Мюллер], так Достоевский был спасен. Писатель и его юная сотрудница совершили подвиг: никто и никогда в мировой литературе не создавал полноценный роман менее чем за месячный срок²⁸. Это был триумф не только Достоевского и Анны Сниткиной, но и ее учителя, П. М. Ольхина. В течение 20 лет (!) он занимался «приложением различных систем стенографии к русскому языку»²⁹ и разработал свою систему по началам немецкой скорописи Габельсбергера, систему, легшую в основу работы Достоевского и его помощницы.

Скоропись прибавила к суткам Достоевского несколько таких драгоценных часов. «Стенография чуть ли не вдвое сокращает работу. Единственно только этим способом мог я кончить, в *один* месяц, 10 печатных листов Стелловскому; иначе не написал бы и пяти» (28₂, 168), — к такому выводу пришел писатель. При этом благодаря технике стенографического письма была достигнута не только быстрота создания произведения, но и более точная фиксация живой мысли, живой речи Достоевского.

По наблюдению Г. Чулкова, «никто из писателей не был так щедр в признаниях о своей творческой работе, как Достоевский; с удивительной как будто бы откровенностью он посвящает знакомых в тайны своей художественной мастерской...» [Чулков: 219]. Писатель не скрывает, что работает со стенографисткой:

«Я теперь нанимаю стенографа» (Н. А. Любимову. 2 ноября 1866) (28₂, 169);

«Чтоб себя спасти, я написал, менее чем в месяц, издателю Стелловскому роман в 10 печатных листов (с помощью стенографии) (Н. А. Любимову. 3 ноября 1866) (28₂, 170);

«Я работаю, а Анна Григорьевна <...> стенографирует, когда надо мне помогать» (А. П. и В. М. Ивановым. 1 (13) января 1868) (28₂, 247);

«...Анна Григорьевна мне стенографировала и переписывала...» (А. Н. Майкову. 18 февраля (1 марта) 1868) (28₂, 258).

С появлением стенографистки творческий процесс Достоевского стал «диалогичным»: она была его собеседником, к ней он обращал свою речь при диктовке, ее реакцией проверял свои сомнения, принимал решения, выслушав ее мнение. В начале их совместной работы Достоевский (подобно Л. Н. Толстому, который совестился передавать свои чувства другому человеку и поэтому не мог диктовать «художественное») с трудом мог «диктовать малознакомому лицу», затем «начал привыкать к новому для него

способу работы»³⁰, и, наконец, работа без Анны Григорьевны стала для него *невозможна*³¹. Это особенно очевидно, если обратиться к письмам Достоевского разных лет, когда литературная сотрудница писателя уже стала его женой (15 февраля 1867 г.):

«Между тем Аня, дней через десять, подарит мне, вероятно, мальчишку. Это тоже замедлит работу. К тому же сама будет больна, а стало быть, не будет мне помогать стенографией и перепиской» (С. А. Ивановой. 29 августа (10 сентября) 1869) (29₁, 58).

«Завтра примусь за работу. Главное, что ты мне не можешь помогать стенографией, а то мне бы хотелось поскорее отправить в Русский Вестник» (А. Г. Достоевской. 28 мая 1872) (29₁, 239).

«Внезапная болезнь жены моей, моей помощницы в работе (она стенографирует с написанного мною и потом переписывает), поставила меня вдруг в самое затруднительное положение, ибо, не будь этой беды надо мной, уже теперь бы Вас всё выслал» (Н. А. Любимову. 8 января 1880) (30₁, 138).

План Достоевского, объявленный жене 15/27 июля 1876 г.: «...переехав в Петербург, уже больше не будешь мне стенографировать и переписывать, я это решил» (29₂, 99) — на протяжении всей жизни писателя так и оставался мечтой, невозможной к осуществлению.

Стенография стала частью творческого процесса Достоевского, при этом всегда являясь для самого писателя искусством таинственным: «Дорого бы я дал, чтоб узнать, Анечка, что ты такое пишешь своими крючочками»³². В письме племяннице *Софье Александровне Ивановой* от 29 марта (10 апреля) 1868 г. он назвал стенографию «высоким искусством», предлагая девушке освоить ее профессионально:

«...не хотите ли заняться стенографией? Слушайте внимательно, Сонечка: стенография есть искусство высокое, не унижающее ремесло <...>, а дающее честь и огромные средства обладающему искусством. Это искусство свободное, — а следств<енно>, женщины находят в нем свою дорогу (пример — Анна Григорьевна, которая, впрочем, далеко не успела усовершенствоваться, но непременно хочет продолжать, приехав в Петербург). Это искусство в лучших представителях своих требует даже очень большого и отчасти специального образования. Вы поймете это: составлять отчеты серьезных заседаний для газет надо человеку очень образованному. Мало передать слово в слово, надо обработать потом литературно, передать дух, смысл, точное слово сказанного и записанного. <...> через 10 лет страшно много изменится у нас. Может быть, каждая губерния в России будет нуждаться в стенографе для земских заседаний и судов. Стенографов и теперь ищут и не находят. Надо ловить минуту и усвоить искусство, когда еще оно так мало известно у нас» (28₂, 293).

С. А. Иванова, по всей видимости, не овладела стенографией, но пример Анны Григорьевны вызвал интерес к скорописи у других членов семьи. Так, пасынок писателя Павел Исаев признавался: «...мне любопытно бы знать, что это за штука — стенография, тем более что я сам начну изучать ее на днях»³³. По всей видимости, попытки изучить стенографию П. Исаев предпринимал. В письме от 20 сентября 1867 г. А. Н. Майков сообщал (не без насмешки) Достоевскому о пасынке:

«На мои вопросы на что ему деньги? Онъ говоритъ такой вздоръ, что уши вянутъ. Напр. будто надобно внести 15 р. въ Университетъ, чтобы слушать римское право, для записыванія лекціи стенографіей, потомъ составить, а тамъ — есть какой то студентъ, который за составленную лекцію платитъ по 2 р. Аннь Григорьевннъ извѣстны его успѣхи въ стенографіи»³⁴.

Стенографические курсы после гимназии окончила племянница писателя Екатерина Михайловна Достоевская (1853–1932) — согласно предположению И. Л. Волгина, не исключено, что она сделала это по примеру Анны Григорьевны [Волгин, 2012: 1003].

Воздействие стенографии на творческий процесс Достоевского, а стенограммы как «современной формы летописи, документированной записи» [Лихачев: 317] — на поэтику его романов было столь значительно, что следствием этого явился образ «хроникера-летописца» в «Бесах» и «Братьях Карамазовых». Впервые это было отмечено Д. С. Лихачевым:

«...характер стенограммы повлиял на стиль Достоевского, смешавшись с летописными композиционными приемами. Сравните, например, замечания в скобках, которыми Достоевский сопровождает изложение речей на собраниях революционеров в «Бесах»: “(Послышался смех)”, “(Смех опять)” <...>, “(Общее шевеление и одобрение)”, “(Опять шевеление, несколько гортанных звуков)” <...> и т. д. Здесь передана даже неуклюжесть стенографического языка: “шевеление”! <...> Хроникер-летописец не случайно подчеркивает протокольную точность передаваемых им речей: “Я слово в слово привожу эту отрывистую и сбивчивую речь” [Лихачев: 317].

Более того, в «фантастическом рассказе» «Кроткая», занявшем весь ноябрьский выпуск «Дневника Писателя» за 1876 г., Достоевский как бы сам превращается в «стенографа», записывающего случайно подслушанный монолог и проникающего в тайное тайных чужой человеческой души. Писатель использует, по его определению, «фантастическую» форму повествования — стенограмму потока сознания и речи главного героя-ростовщика:

«Если б мог подслушать его и всё записать за ним стенограф, то вышло бы несколько шершавее, необделаннее, чем представлено у меня, но, сколько мне кажется, психологический порядок, может быть, и остался бы тот же самый. Вот это предположение о записавшем всё стенографе (после которого

я обделал бы записанное) и есть то, что я называю в этом рассказе фантастическим» («Кроткая») (24, 6).

Предположение о стенографе задало изображению психологического процесса в «Кроткой» иной характер, чем в романах писателя. Стенограмма призвана ухватить мысль на лету, наиболее точно зафиксировать текучий, сложный и противоречивый внутренний процесс, происходящий в ростовщике. Она позволила «передать тот “психологический порядок”» [Поддубная: 193], тот путь, который проходит герой Достоевского, уясняя самому себе происшедшие события. Этот путь приводит героя «наконец к правде» (24, 5), «правде собственного сознания» [Бахтин: 32], что «неотразимо возвышает его ум и сердце» (24, 5). Как писал М. М. Бахтин, объясняя функции фантастического стенографа в «Кроткой»,

«в устах другого содержательно то же самое слово, то же определение приобрело бы иной смысл, иной тон и уже не было бы правдой. Только в форме исповедального самовысказывания может быть, по Достоевскому, дано последнее слово о человеке, действительно адекватное ему» [Бахтин: 32].

Подытожить данное исследование можно, процитировав справедливое замечание дочери Достоевских, Любови Федоровны: «Достоевский не написал бы так много романов, если бы у его жены не явилась счастливая мысль изучить стенографию»³⁵. За время супружества и работы с профессиональной стенографисткой (1867–1881) художественный талант писателя достиг своего апогея, была создана большая и наиболее значительная часть его литературного наследия — роман «Игрок» (1866), шестая часть и эпилог «Преступления и Наказания» (ноябрь и декабрь 1866 г.), романы «Идиот» (1868), «Бесы» (1871–1872), статьи, фельетоны и рассказы в еженедельнике «Гражданин» (1873–1874), «Подросток» (1875), «Братья Карамазовы» (1879–1880) и «Дневник Писателя» (1876, 1877, 1880, 1881). Все эти произведения прошли в буквальном смысле через руки жены писателя, владевшей стенографией — таинственным и «высоким искусством».

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-34-01075 а2 «Стенографические записи А. Г. Достоевской: Новые материалы и исследования».

¹ Ольхин П. Руководство к русской стенографии по началам Габельсбергера. 2-е изд. СПб., 1869. С. 3. (См. также, напр.: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1901. Т. XXXIA. С. 590; Кривош В. И. Самоучитель русской скорописи (стенография). Петроград: Изд. бар. А. О. Тизенгаузен, 1893; Колодзейчик И. К. Стенография — забытое искусство. Варшава, 1904 и др. пособия по стенографии, изд. в XIX — нач. XX в.)

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 766.

- 3 См., напр.: Чернышов А. В. Компьютерная стенография как метод защиты передаваемой информации. Ставрополь: Губерния, 2013. 98 с. Автор, по сути, имеет в виду стеганографию.
- 4 The meeting of the Scientific Committee // International Federation for Information and Communication Processing (Intersteno). 2015. October, p. 14. URL: <http://www.intersteno.org/2015/10/e-news-70-october-2015-was-published/> (24.11.2017)
- 5 Факт привлечения стенографа В. О. Ковалевским в его переводческой и издательской деятельности не является широко известным. Им в кратчайшие сроки была переведена книга Ч. Дарвина “The Variation of Animals and Plants under Domestication” («Прирученные животные и возделанные растения»; более известный позднейший перевод названия: «Изменение животных и растений в домашнем состоянии»). Русское издание этой книги, вышедшее в 1867 г., стало первым в мире. Объем книги составил 900 стр., и она вышла как 2-томное издание. На то, что В. О. Ковалевский привлекал к своей переводческой работе стенографа, указал только П. М. Ольхин (Сведения о ходе и результатах преподавания стенографии во второй и шестой С.-Петербургских гимназиях // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1867. Ч. СXXXIII. С. 353).
- 6 См.: [Gitelman; Marcus; Kreikamp; Bowles, 2017; Bowles H. The Stenographic... 2017].
- 7 См. об этом: [Алексеев; И-в (Протасов И. Ф.). О рукописи Чернышевского; Рейсер, 1975; Рейсер, 1982: 48].
- 8 См. об этом, напр.: [И-в (Протасов И. Ф.). Толстой и стенография: 3–5].
- 9 Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым (Дневник 10 апреля – 14 июня 1909 г.). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/gusev-dva-goda/10-aprelya-14-iyulya-1909.htm> (24.11.17)
- 10 Маркузе И. К. Воспоминания о В. В. Крестовском // Исторический вестник. 1900. Т. LXXIX. С. 989.
- 11 Там же. С. 988.
- 12 См. об этом: [Кулешов].
- 13 Куприн А. И. Из интервью разных лет. URL: <http://kuprin-lit.ru/kuprin/biografiya/iz-intervyu-raznyh-let.htm> (24.11.2017)
- 14 Милюков А. П. Федор Михайлович Достоевский // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1990. С. 284.
- 15 Маркузе И. К. Воспоминания о В. В. Крестовском // Исторический вестник. 1900. Т. LXXIX. С. 982.
- 16 См. об этом, напр.: [Ершов: 30–33, 35, 46, 103].
- 17 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 160 (уточнения в цитате, оформленные постраничными сносками, приводятся по первоисточнику: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29618. Л. 4–4 об.). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома, книги (нижний индекс), страницы в круглых скобках.
- 18 Маркузе И. К. Воспоминания... С. 981.
- 19 сладкое ничегонеделание (итал.). Там же. С. 988.
- 20 Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. статья, подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. — М.: Бослен, 2015. С. 109.
- 21 См. примеч. 15 и 21. См. также статью, основанную на изучении черновых автографов воспоминаний А. Г. Достоевской о знакомстве с писателем: [Андрианова]).
- 22 По нашему предположению, — учитывая тот факт, что А. П. Милюков в течение 35 лет вел преподавательскую деятельность в учебных заведениях С.-Петербурга в качестве учителя словесности, — за этим криптонимом может быть скрыто имя его коллеги, педагога Егора Федоровича Вегнера (см.: Памятная книжка Министерства народного просвещения на 1865 г. СПб., 1865. С. 199).

- ²³ Сведения о ходе и результатах преподавания стенографии во второй и шестой С.-Петербургских гимназиях // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1867. Ч. СXXXIII. С. 652.
- ²⁴ Там же. С. 653.
- ²⁵ Там же. С. 653.
- ²⁶ Это наблюдение было сделано опытной стенографисткой советского времени Цецилией Мироновой (Моисеевной) Пошеманской, расшифровавшей (в 1950–1970-е гг.) стенографический дневник жены Достоевского (1867) и другие архивные материалы из фонда писателя. Первоначально оно зафиксировано в ее письме от 25 августа 1876 г. к С. В. Житомирской, заведующей Отдела рукописей РГБ, принимавшей участие в подготовке к изданию дневника А. Г. Достоевской: «Теперь я убеждена, что эти пробелы образовались в процессе диктовки. Дело в том, что А. Г., конечно, не успевала за его мыслью и он ей, вероятно, говорил, чтобы она записывала, что успеет, чтобы не останавливать мысли, а когда она “переведет на обыкновенное письмо”, он, прочитывая, будет вспоминать то, что было им продиктовано и ею не записано, и дополнит. <...> ...едва ли она, только закончив курсы, могла записывать беглую речь даже под диктовку, тем более, что работа у Д. была ее первой практической работой» (ГА РФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 281. Л. 22–23).
- ²⁷ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 120–121.
- ²⁸ 26 дней — такой срок создания романа «Игрок» отмечен в воспоминаниях А. Г. Достоевской. В письме к А. П. Суловой от 23 апреля (5 мая) 1867 г. сам Достоевский указал еще более короткий срок работы над романом для Стелловского: «28 Ноября романъ “Игрокъ” (теперь уже напечатанъ) былъ конченъ, въ 24 дня» (Копия письма рукой неустановленного лица. РГАЛИ. Ф. 212.1.114. Л. 1 об.).
- ²⁹ Ольхин П. Руководство к русской стенографии по началам Габельсбергера. СПб., 1866. С. II.
- ³⁰ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 116.
- ³¹ Не случайно И. Л. Волгин, пересказывая историю примирения Л. Н. Толстого со своей дочерью Александрой, описанную в мемуарах В. Ф. Булгакова, вспомнил о Достоевском. Дочь Толстого, находясь в обиде на отца, не захотела стенографировать его письмо, после чего писатель воскликнул сквозь слезы: «Не нужно мне твоей стенографии!». Исследователь пояснил реакцию Толстого («Ему не нужны только стенографические услуги <...>; он хочет, чтобы любили его самого. Причем не в качестве великого человека, а ни за что, просто так. “Не нужно мне твоей стенографии!” — мог бы сказать он и Софье Андреевне. Тем более что теперь у него имеются другие помощники») и задал вопрос о Достоевском, ответ на который очевидно отрицательный: «Интересно: молвил бы при случае Достоевский нечто подобное своей жене, учитывая то обстоятельство, что стенография как раз и явилась первопричиной их знакомства и брака?» [Волгин И. Л. Уйти от всех. Лев Толстой как русский скиталец // Октябрь. 2010. №10. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2010/10/vo2.html>].
- ³² Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 206.
- ³³ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 117.
- ³⁴ Майков А. Н. Письмо к Достоевскому Ф. М. От 20.09.1867 г. // РО ИРЛИ. Ф. 168. №16640. Л. 17.
- ³⁵ [Достоевская Л. Ф.] Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. М.; Пг., 1922. С. 82.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Стенографические записи в архиве Ф. М. и А. Г. Достоевских
(сделанные рукой А. Г. Достоевской)**

*Научно-исследовательский отдел рукописей
Российской государственной библиотеки*

- «Братья Карамазовы» — набросок к книге XII. Записи денежных сумм на обороте конверта (НИОР РГБ. 93.I.1.15);
- Записная книжка № 1. Дневниковые записи А. Г. Достоевской (стенографические) [1867–1868]. (НИОР РГБ. Ф. 93.III.5.15б. 118 л.)
- Записная книжка № 2. Дневниковые записи А. Г. Достоевской (стенографические) [1867–1868] (НИОР РГБ. Ф. 93.III.5.15а. 124 л.);
- Стенографическая запись в записной тетради Ф. М. Достоевского 1869–1870 гг. (НИОР РГБ. Ф. 93.I.1.4. Л. 1, 6 об., 36 об., 2 строки карандашом);
- Хозяйственные стенографические записи в записной тетради Ф. М. Достоевского 1870–1871 гг. (НИОР РГБ. Ф. 93.I.1.5. Л. 3, 4, 4 об., 6, 8, 9 об., 58, 74);
- Стенографические записи гл. VI–XIII 12-й книги «Братьев Карамазовых» (НИОР РГБ. Ф. 93.I.2.21. 14 л.)
- Хозяйственные стенографические записи на обороте конверта; на его лицевой стороне — «Братья Карамазовы» — набросок к 12-й книге (НИОР РГБ. Ф. 93.I.3.15);
- Стенограммы в записной тетради А. Г. Достоевской за 1876–1877 гг. (НИОР РГБ. Ф. 93.III.2.1. Л. 26 об., 47, 50, 51, 58–62, 65 об., 75, 83–84 об.);
- Ответ Ф. М. Достоевского на письмо гр. Гейден Е. Н. (28 января 1881 г.), продиктованный им А. Г. Достоевской в день его смерти о состоянии своего здоровья. Рукою А. Г. Достоевской, две последних строки записи сделаны стенографически (НИОР РГБ. Ф. 93.III.5.11)

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома)

- Отпуска писем и другие черновые записки, частью стенографические. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29603. 10 л.);
- Стенограмма биографических данных Ф. М. Достоевского в записной книге А. Г. Достоевской начала 1880 г. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30707. Л. 11 об.);
- Стенограмма, под которой запись: «Я понимала его больше сердцем, чем разумом», в записной книжке А. Г. Достоевской (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30727. Л. 53);
- Стенограмма в приходо-расходной тетради А. Г. Достоевской за 1877–1887 гг. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30706. Л. 18–18 об.);
- Стенограмма письма А. Г. Достоевской к О. Ф. Миллеру в ее записной книжке за 1887–1888 гг. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30742);
- Стенограммы в записной книге А. Г. Достоевской за 1910–1911 гг. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30783. Л. 44, 44 об., 46, 51 об.)
- Черновые стенографические записи. 29 л. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30470).

Российский государственный архив литературы и искусства

- Стенографические записи хозяйственных расходов (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6. Л. 6);
- Стенографические записи писем Ф. М. Достоевского к наследнику (будущему императору Александру III) (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 111. Л. 1–2 об., 3 об.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Н. А. «Шифр» Н. Г. Чернышевского // Красный архив. — 1936. — Т. 3 (76). — С. 221–225 [Электронный ресурс]. — URL: http://istmat.info/files/uploads/40146/krasnyu_arhiv_76-1936.pdf (24.11.2017).
2. Андрианова И. С. «Я пришла работать, а не для знакомства...»: Федор Достоевский и Анна Сниткина // Неизвестный Достоевский. — 2016. — № 3. — С. 128–143 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1478084439.pdf (24.11.2017).
3. Баршт К. А. «Каллиграфия» Ф. М. Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. — С. 101–129.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Сов. писатель, 1963. — 363 с.
5. Викторovich В. А. Достоевский и Вс. Крестовский // Достоевский: Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1991. — Т. 9. — С. 92–116.
6. Волгин И. Л. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. — М.: Фонд Достоевского, 2012. — 1232 с.
7. Волгин И. Л. Уйти от всех. Лев Толстой как русский скиталец // Октябрь. — 2010. — № 10 [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazines.russ.ru/october/2010/10/vo2.html> (24.11.2017).
8. Ершов Н. А. Обзор русских стенографических систем. — Санкт-Петербург: ред. журн. «Пед. музей», 1880. — [2], II, 144, [2], 14 с.
9. И-в [Протасов И. Ф.]. О рукописи Чернышевского // Вопросы стенографии и машинописи. — 1928. — № 12. — С. 3–5.
10. И-в [Протасов И. Ф.]. Толстой и стенография // Вопросы стенографии и машинописи. — 1928. — № 8–9. — С. 3–5.
11. Кийко Е. И., Пошеманская Ц. М. Неизвестный источник текста романа «Братья Карамазовы» // Достоевский: Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1978. — Т. 3. — С. 3–12.
12. Кулешов Ф. И. Творческий путь А. И. Куприна, 1883–1907. — Минск: Изд-во БГУ, 1983. — 351 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kuprin-lit.ru/kuprin/kritika-o-kuprine/kuleshov-tvorcheskij-put/2-yama.htm> (24.11.2017).
13. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — М.: Наука, 1979. — 360 с.
14. Маркузе Иван Карлович // Афанасьев Н. И. Современники. — СПб., 1910. — Т. 2. — С. 282–284 [Электронный ресурс]. — URL: http://нэб.рф/catalog/000199_000009_005030148/viewer/?page=295 (24.11.2017).
15. Мюллер И. Роман-стенограмма. Ф. М. Достоевский и создатель русской системы стенографии П. М. Ольхин // Альманах библиофила. — 1983. — Вып. 15 [Электронный ресурс]. — URL: <http://redkayakniga.ru/biblioteki/item/f00/s00/z0000017/st012.shtml> (24.11.2017).
16. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. — М.: Новое литературное обозрение, 1996. — 207 с.
17. Поддубная Р. Н. «Действительность идеала» в малой прозе «Дневника писателя» // Достоевский: Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1991. — Т. 9. — С. 183–198.
18. Рейсер С. А. Некоторые проблемы изучения романа «Что делать?» // Чернышевский Н. Г. Что делать? — Л.: Наука, 1975 [Электронный ресурс]. — URL: <http://chernyshevskiy.lit-info.ru/chernyshevskiy/articles/rejser/rejser-1.htm> (24.11.2017).
19. Рейсер С. А. Русская палеография нового времени (Неография). — М.: Высшая школа, 1982. — 136 с.

20. Чулков Г. И. Как работал Достоевский. — М.: Сов. писатель, 1939. — 340 с.
21. Юрковский А. М. Стенография сквозь века: Очерки по истории стенографии. — М.: Книга, 1969. — 163 с.
22. Bowles H. Stenography and Orality in Dickens: Rethinking the Phonographic Myth // Dickens Studies Annual. — 2017. — Vol. 48. — Pp. 21–44.
23. Bowles H. The Stenographic Creativity of Charles Dickens // Paper presented at the XXVIII AIA Conference Worlds of Words: Complexity, Creativity, and Conventionality in English Language, Literature and Culture (Pisa, 14–16 September 2017) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.fileli.unipi.it/2017aiaconference/session/stenographic-creativity-charles-dickens/> (24.11.2017).
24. Gitelman L. Scripts, Grooves, and Writing Machines: Representing Technology in the Edison Era. — Stanford: Stanford University Press, 1999. — 304 p.
25. Marcus S. Language into Structure: Pickwick Revisited // Daedalus. — 1972. — Vol. 101. — Pp. 183–202.
26. Kreikamp I. Voice and the Victorian Storyteller. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — Pp. 69–88.

Irina S. Andrianova

*Ph.D. in Philology
Head of Web-laboratory of the Faculty of Philology,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
yarysheva@yandex.ru*

“HIGH ART”: FEDOR DOSTOEVSKY AND STENOGRAPHY

Abstract. The importance of stenography, i. e. the art of writing at speech rate, is widely recognized in the history of evolution of the world science and culture, politics and economy. The given article systematizes the facts about the writers of the 19th and the first half of the 20th centuries who mastered the shorthand or used to resort to the help of professional stenographers in their creative activities. Taking into consideration this review the article makes a conclusion about the role and meaning of stenography in the creative process of F. M. Dostoevsky. He was the second writer in Russia (following V. V. Krestovsky) who applied shorthand writing in his literary work, but the only one in the world literature for whom stenography became something more than just shorthand. He considered it to be mysterious and “high art”. It modified and enriched the model of his creative process not for a while but for life, and it had an influence on the poetics of novels and of the story “*A Gentle Creature*”, it contributed changes in the writer’s private life and provoke the relatives’ interest (stepson P. A. Isaev, niece E. M. Dostoevskaya). In the course of the marriage of Dostoevsky and stenographer A. G. Snitkina the author’s artistic talent came to the peak. The largest and most important part of his body of work was created in that period. Unfortunately, the Dostoevsky archive keeps only a moderate part of the manuscripts with stenographic notes in them. It is described in the supplement to the article.

Keywords: stenography, art, Dostoevsky, A. G. Dostoevskaya, V. V. Krestovsky, P. M. Olkhin, creative process

REFERENCES

1. Alekseev N. A. The “Code” of N. G. Chernyshevsky. In: *Krasnyy arkhiv*, 1936, vol. 3 (76), pp. 221–225. Available at: http://istmat.info/files/uploads/40146/krasnyy_arhiv_76-1936.pdf (accessed on November 24, 2017). (In Russ.)
2. Andrianova I. S. “I Am here to Work, Not to Make the Acquaintance”: Fedor Dostoevsky and Anna Snitkina. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2016, no. 3, pp. 128–143. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1478084439.pdf (accessed on November 24, 2017). (In Russ.)
3. Barsht K. A. “Calligraphy” of F. M. Dostoevsky. In: *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo [New Aspects in the Study of Dostoevsky]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, pp. 101–129. (In Russ.)
4. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo [The Problems of Dostoevsky’s Poetics]*. Moscow, Sovetskiy pisatel’ Publ., 1963. 363 p. (In Russ.)
5. Viktorovich V. A. Dostoevsky and Vs. Krestovsky. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya [Dostoevsky: Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1991, vol. 9, pp. 92–116. (In Russ.)
6. Volgin I. L. *Rodnye i blizkie: Istoriko-biograficheskie ocherki [Nearest and Dearest: Historical and Biographical Essays]*. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2012. 1232 p. (In Russ.)
7. Volgin I. L. Leaving Everyone: Leo Tolstoy as a Russian Wanderer. In: *Oktyabr’*, 2010, no. 10. Available at: <http://magazines.russ.ru/october/2010/10/vo2.html> (accessed on November 24, 2017). (In Russ.)
8. Ershov N. A. *Obzor russkikh stenograficheskikh sistem [A Review of Russian Shorthand Systems]*. St. Petersburg, redaktsiya zhurnala “Pedagogicheskiy muzey” Publ., 1880. 14 p. (In Russ.)
9. I–v (Protasov I. F.). About the Manuscript of Chernyshevsky. In: *Voprosy stenografii i mashinopisi [Questions of Shorthand and Typewriting]*, 1928, no. 12, pp. 3–5. (In Russ.)
10. I–v (Protasov I. F.). Tolstoy and Shorthand. In: *Voprosy stenografii i mashinopisi [Questions of Shorthand and Typewriting]*, 1928, no. 8–9, pp. 3–5. (In Russ.)
11. Kiyko E. I., Poshemanskaya Ts. M. An Unknown Source of the Text of the Novel “The Brothers Karamazov”. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya [Dostoevsky: Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, vol. 3, pp. 3–12. (In Russ.)
12. Kuleshov F. I. *Tvorcheskiy put’ A. I. Kuprina, 1883–1907 [A. I. Kuprin’s Career as a Writer, 1883–1907]*. Minsk, The Belarusian State University Publ., 1983. 351 p. Available at: <http://kuprin-lit.ru/kuprin/kritika-o-kuprine/kuleshov-tvorcheskij-put/2-yama.htm> (accessed on November 24, 2017). (In Russ.)
13. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury [The Poetics of Old Russian Literature]*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 360 p. (In Russ.)
14. Marcuse Ivan Karlovich. In: *Afanas’ev N. I. Sovremenniki [Afanasyev N. I. Contemporaries]*. St. Petersburg, 1910, vol. 2, pp. 282–284. Available at: http://нэб.рф/catalog/000199_000009_005030148/viewer/?page=295 (accessed on November 24, 2017). (In Russ.)
15. Myuller I. A Stenographic Novel. F. M. Dostoevsky and the Creator of the Russian Shorthand System P. M. Olkhin. In: *Al’manakh bibliofila [Bibliophile’s Almanac]*, 1983, issue 15. Available at: <http://redkayakniga.ru/biblioteki/item/f00/s00/z0000017/st012.shtml> (accessed on November 24, 2017). (In Russ.)
16. Paperno I. *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy — chelovek epokhi realizma [The Semiotics of Behavior: Nikolay Chernyshevsky as a Person of the Epoch of Realism]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 207 p. (In Russ.)

17. Poddubnaya R. N. The “Reality of the Ideal” in the Flash Fiction of “A Writer’s Diary”. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1991, vol. 9, pp. 183–198. (In Russ.)
18. Reyser S. A. Some Problems in the Study of the Novel “What Is To Be Done?”. In: *Chernyshevskiy N. G. Chto delat’?* [Chernyshevsky N. G. What Is To Be Done?]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. Available at: <http://chernyshevskiy.lit-info.ru/chernyshevskiy/articles/rejser/rejser-1.htm> (accessed on November 24, 2017). (In Russ.)
19. Reyser S. A. *Russkaya paleografiya novogo vremeni (Neografiya)* [Russian Paleography of the Modern Age (Neography)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982. 136 p. (In Russ.)
20. Chulkov G. I. *Kak rabotal Dostoevskiy* [How Dostoevsky Worked]. Moscow, Sovetskiy pisatel’ Publ., 1939. 340 p. (In Russ.)
21. Yurkovskiy A. M. *Stenografiya skvoz’ veka: Ocherki po istorii stenografii* [Shorthand Through Centuries: Essays on the History of Shorthand]. Moscow, Kniga Publ., 1969. 163 p. (In Russ.)
22. Bowles H. Stenography and Orality in Dickens: Rethinking the Phonographic Myth. In: *Dickens Studies Annual*, 2017, vol. 48, pp. 21–44. (In English).
23. Bowles H. The Stenographic Creativity of Charles Dickens. In: *Paper Presented at the 28th AIA Conference Worlds of Words: Complexity, Creativity, and Conventionality in English Language, Literature and Culture (Pisa, 14–16 September 2017)*. Available at: <http://www.fileli.unipi.it/2017aiaconference/session/stenographic-creativity-charles-dickens/> (accessed on November 24, 2017). (In English).
24. Gitelman L. *Scripts, Grooves, and Writing Machines: Representing Technology in the Edison Era*. Stanford, Stanford University Press Publ., 1999. 304 p. (In English).
25. Marcus S. Language into Structure: Pickwick Revisited. In: *Daedalus*, 1972, vol. 101, pp. 183–202. (In English).
26. Kreikamp I. *Voice and the Victorian Storyteller*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2005, pp. 69–88. (In English).